

Лидия Чарская

Лишний рот

Лидия Чарская

Лишний рот

«Public Domain»

1915

Чарская Л. А.

Лишний рот / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1915

«Лишний рот» – повесть о мальчике-сироте Васе, которого приютил священник отец Паисий. По-разному относятся к приемышу в семье священника. Кроме семерых ребятишек в доме живет мелочная и сварливая свояченица Лукерья Демьяновна, которая вечно попрекает мальчика, называет «лишним ртом», наваливает на его плечи самую тяжелую работу. Но благодаря великодушию, душевной чистоте и стойкости характера Васи отношение к нему постепенно меняется. После долгого времени тоски и одиночества он, наконец, чувствует себя дома, в родной семье, где его любят и ценят.

© Чарская Л. А., 1915

© Public Domain, 1915

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лидия Алексеевна Чарская

Лишний рот

Глава первая

Отец Паисий, священник бедного пригородного слободского прихода, только что закончил свою вечернюю молитву и, сбросив с себя подрясник, готовился лечь в постель, как неожиданный стук в дверь заставил его вздрогнуть и насторожиться.

Стучали в сенях. Был двенадцатый час ночи, и поздний посетитель не мог не удивить отца Паисия. На улице стояла непроглядная январская вьюга, крутила метель, залепляя редкие слободские фонари, и нестерпимо жутко выл-завывал ветер. Отец Паисий снова запахнул на себе сброшенный было подрясник и торопливо прошел в сени.

– Кто тут? – повышая голос, бросил он в темноту.

– Батюшка, до вашей милости пришли. Не откажите прийти напутствовать умирающую. На ладан дышит, необходимо поисповедать, причастить и отходную прочитать над нею. Помрет к утру, по всей вероятности, – глухо звучал как будто знакомый батюшке голос за дверью.

– Кто умирает-то? – осведомился священник, снимая тяжелый крюк у входа и пропуская позднего гостя в сени.

– Да бобылка слободская, здешняя... Муж-то давно помер, а она на здешних наших пригородниц портняжила. Дюже захворала бедняга. Соседи мы, я башмачник Иванов, коли милость ваша, отец Паисий, признать изволите, – вашего прихода тоже; так не откажите к Федосьевне, Христа ради, пройти...

– Хорошо, хорошо, пройду. Господь в своей милости никому отказывать не станет... А нам, грешным, и подавно воле его следовать должно. Что на улице-то крутит, голубчик? – спросил батюшка.

– И-и, как крутит, отец Паисий. Прямо-таки зги не видать. Фонарь-то нелишне прихватить будет вашей милости, уличные то и дело от ветра гаснут... Страсть разыгралась как непогодка нынче.

– Ладно, ладно, и фонарь возьмем, – откуда-то уже из дальней комнаты долетел сюда голос батюшки. А минут через десять из домика священника, находившегося близ кладбища, около деревянной скромной церкви, вышли две темные фигуры и замаячили среди метели по слободской улице. Впереди шел с фонарем в руках сапожник Иванов, позади его отец Паисий, держа одной рукою дароносицу и серебряный крест и Евангелие для исповеди, завернутые в епитрахиль, другою то и дело запахивая верхнюю одежду.

Ветер рвал нестерпимо и валил с ног путников. Вьюга залепляла им глаза. Метель свистела в уши. С трудом миновали широкую улицу и вышли на площадь, где приезжие окрестные крестьяне торговали сельскими продуктами в базарные дни. Отсюда свернули в переулок, где тоже бушевал ветер и хозяйничала разозлившаяся вьюга. Около покосившегося домика с двумя крохотными оконцами и оторванной ветром вывеской, надпись на которой менее всего можно было рассмотреть сейчас, сапожник остановился:

– Вот сюда пожалуйста, батюшка. Да поостерегитесь, ступеньки у них подгнили, того и гляди, провалятся, – предупредил он и, поддерживая под локоть священника, помог ему взойти на крыльцо.

Уже в сенях отца Паисия встретил запах лекарств и то неуловимое, сопровождающее присутствие тяжело больного в доме настроение, которое определить словами нельзя и которое можно только почувствовать. Бледная полоска света, игравшая под недоходящими до пола дверями, помогла пришедшим найти и самую дверь. Сапожник пошел первый, за ним просле-

давал батюшка. В комнате, освещенной огарком, находилось несколько женщин. Они о чем-то усиленно совещались, чуть приниженными голосами, окружая постель, или, вернее, нечто похожее на постель – состоявшую из жесткой широкой лавки, с брошенной на нее подушкой и каким-то грязным тряпьем, заменяющим матрац. На этом тряпье лежала худая, как скелет, желтая женщина с изможденным лицом и глубоко ушедшими в орбиты глазами. Она тяжело дышала широко раскрытым, запекшимся ртом. Искаженное лицо ее выражало нестерпимое физическое страдание, казалось, глаза ее смотрели, уже ничего не видя... С глухим хрипом поднималась и опускалась ее впалая грудь.

При виде вошедшего священника женщины засуетились и заметались по комнате.

– Батюшка пожаловал... Слышь, Федосьевна, исповедаться бы да Св. Тайн приобщиться тебе, – наклоняясь к самому уху больной, произнесла старая слобожанка, за которой давно укрепилась репутация ученой лекарки-знахарки за то, что она лечила своими собственными примитивными средствами слобожан.

Но больная на заявление лекарки ни словом, ни движением не дала понять, что слышала ее. Глаза Федосьевны, пустые и жуткие, по-прежнему ничего не выражали, а рот продолжал с хрипом выбрасывать дыхание.

– Никак кончается? – выразила предположение лекарка. – Батюшки, отец Паисий, поспешите отходную читать.

Священник приблизился к иконе, чтобы совершить последний обряд над умирающей. Отысповедовал глухую исповедь больную и, раскрыв над головою ее требник, засветил тоненькую восковую свечу и начал читать отходную.

Не успел закончить молитвы отец Паисий, как что-то бурно заклокотало в груди больной и на губах ее выступила кровавая пена. Все тело умирающей дрогнуло, и Федосьевны не стало. Душа ее отошла в лучший мир. Отец Паисий медленно осенил крестом умершую, дочитал над нею молитву и стал снова завертывать крест и требник в епитрахиль. Вокруг с громкими причитаниями суетились женщины. Кто-то всхлипывал, кто-то плаксивым, нарочито жалобным голосом причитывал, жалея какого-то сироту. Неожиданно широко распахнулась дверь из сеней и в горницу стремительно вбежал мальчик лет двенадцати. Часто, через несколько месяцев спустя, отец Паисий, рассказывая об этом случае, добавлял, что никогда не забыть ему того отчаянного, безнадежного крика: «Мама!», – каким огласил комнату ребенок, не забыть и того ужаса, который отразился на его худеньком, бледном лице.

Это был Вася, единственный сын покойницы. С тем же раздирающим душу воплем Вася бросился к матери, обхватил ее начинавшее уже холодеть тело, прижался лицом к ее груди и так и застыл без слов, без движений. Женщины замолкли сразу, подавленные видом этого безысходного чужого страдания.

Отец Паисий, направлявшийся было в сени, приостановился и тоже не отрывал глаз с обезумевшего от горя мальчика.

– Один, как есть один, сиротинкою круглым остался на свете, – произнесла сочувствующим голосом слободская знахарка. – А как Федосьевна-то его жалела, болезная! Ведь единственной утехой он рос у нее...

– Куда же теперь денется мальчик? Есть у него близкие, родственники? – осведомился священник.

– Какое, батюшка! Ведь приезжие они, и сказывают люди, никого-то у них: ни только что близких, но и дальних на свете нет. Совсем на улице очутился бедный. Жаль до слез парнишку. Да ничего не поделаешь. Противу господ не пойдешь. Он, батюшка милостивый, ведает лучше нас, грешных, что нам определено. А все же кабы не были мы сами в нужде да в лишениях, каждая бы из нас с охотой мальчика-сиротинушку к себе в дом приняла. Уж больно тихий да добрый парнишка и услужливый, да вежливый такой... – говорила женщина, утирая кончиком шейного платка мокрые от слез глаза. Она казалась вполне искренней в своем участии. Отец

Паисий перевел с нее глаза на Васю. Теперь он уже не лежал ничком на груди матери. Его бледное, перекошенное судорогой страдания личико было все орошено слезами, – безутешными слезами высшего человеческого отчаяния, с которым, казалось, не сравнится никакое другое горе. Большие серые глаза мальчика, полные слез, с мучительным недоумением впивались в восковое лицо умершей.

– Зачем? Зачем ты ушла от меня, мама? – казалось, спрашивал этот взгляд, и худенькие рученьки все крепче и крепче сжимались у груди мальчика.

Невыразимое чувство жалости обожгло душу отца Паисия. Картина этого неподдельного, покорного, безропотного горя всколыхнула его. На глазах самого священника выступили слезы. Он тихо приблизился к мальчику, положил ему руку на плечо и, наклонившись к его лицу, проговорил:

– Тяжелый крест посылает тебе господь, дитя мое, но надо нести его безропотно... Видно, испытание тебе дает он, наш творец милосердный. Выплачься, мальчик, не сдерживай своего горя, а там молиться будем вместе за упокой души твоей матери. Плачь, дитятко, плачь, в слезах легче переносится горе.

Но Вася уже не слышал добрых, сочувственных слов отца Паисия. Он снова упал на грудь матери головою, и все его худенькое тело сотрясало теперь от неудержимых рыданий.

Получасом позднее отец Паисий шел обратно к церковному домику, предшествуемый башмачником, несшим фонарь. Он вел за руку Васю. Еще там, в домике покойной Федосьевны, священник решил взять к себе в дом сироту. Когда он объявил об этом Васе, мальчик безучастно взглянул ему в лицо своими грустными глазками и не произнес ни одного слова. Смерть матери сразила ребенка. Теперь он машинально шагал по улице подле своего неожиданного благодетеля и думал все одну и ту же неотвязную думу: «Мама умерла... умерла моя мама... Что я буду без нее делать теперь?.. Как мне жить без родимой!» И тут же до мельчайших подробностей припоминалась ему мать, не сегодняшняя холодная, молчаливая покойница, а та, живая, несказанно дорогая, которая ласково проводила по лицу Васи своей исклотой иглою рукой, которая называла своим «соколиком» и «голубчиком» его, Васю, и так нежно заботилась о нем всегда. Вспоминались ему их долгие-долгие вечера, когда мать, стуча машинкой, шила бесконечные юбки и кофты на слободских франтих, а он, Вася, готовил уроки к следующему дню или читал матери что-нибудь божественное. Учился он в слободском училище вот уже два года и очень старательно готовил свои уроки. А потом, покончив с ними, долго беседовал с матерью. Вася рассказывал ей о своих занятиях в училище, о товарищах и учителях, а Федосьевна внимательно слушала, стараясь не пропустить ни единого слова своего любимца. По праздникам мать и сын всегда вместе отправлялись в церковь. Возвращались они оттуда торжественные, радостные, примиренные с нуждою, ели свой более чем скромный обед, потом шли вместе гулять за пределы большого огорода, за слободскую черту, подальше от людей и шума их суетливой жизни. Мать рассказывала Васе об отце, которого мальчик мало помнил. Иногда делилась с сыном своими надеждами на лучшее будущее, мечтала вслух о том времени, когда дела их поправятся немного, когда излишек работы даст, наконец, возможность выбраться из когтей острой нужды и они с Васей заживут мало-мальски сносной жизнью. И вот вместо этих радостных надежд – смерть, разрушившая все, раздавившая счастье Васи, отнявшая у него мать, единственную радость и опору его жизни. Как неожиданно, как жутко подкралась она! Как нелепо обрушилась со своею страшною косою на их крошечную семью! Ведь еще недавно, неделю тому назад, мать была здорова, хотя и худа и слаба невероятно. Все-таки же двигалась она, говорила, ласкала Васю. А теперь так далека стала она ему, так ужасно далека!..

И теперь уже выплыл в воображении мальчика другой, новый образ матери, матери покойницы, матери – умершей, которую он оставил сейчас в углу под образом своего убогого жилища.

Завтра он вернется к ней вместе с батюшкой отслужить панихиду, но она уже не встретит его своей обычной ласковой улыбкой, своим добрым, любящим взглядом или участливым, полным тепла и нежности словом.

И опять глухие рыдания заклокотали в груди мальчика, и снова весь затрепетал Вася от охватившего его острого порыва горя...

Глава вторая

– Вот вам новый товарищ, ребяташки... Обижать его мне не смей... Он, бедняжка, мать потерял только что. Сирота круглый. Утешьте его, как можете. Господь бог указал нам жалеть и любить сирот. – И, говоря это, отец Паисий тихонько толкнул вперед Васю в сторону толпившихся у чайного стола детей.

После вчерашней метели погода совершенно неожиданно изменилась к лучшему. Солнышко весело заглядывало в скромные горницы церковного дома. Было светло и уютно в небольшой столовой, где весело пыхтел пузатый самовар и оживленно шушукались о чем-то дети. Их было семь человек. Старший, гимназист Митинька, худенький, с вытянутым лицом и чернильными пятнами на пальцах, четырнадцатилетний подросток, за ним двенадцатилетний Кирия, тоже гимназистик, белокурый, плотный, с задорными огоньками в серых бойких глазах мальчуган, одиннадцатилетняя Майя, бойкая, живая девочка с пронырливой, хитренькой мордочкой лисички, и девятилетняя Люба, бледная, худенькая с задумчивыми глазами девочка. Затем шло еще трое малышей: Шура и Нюра, две девочки-погодки шести и пяти лет и хорошенький трехлетний карапузик Леша. За самоваром сидела сестра покойной жены отца Паисия, девица лет сорока пяти с неопределенного цвета жидкими волосами и желчным, недвольным выражением кислого лица, – Лукерья Демьяновна.

Вася, приведенный сюда поздно ночью накануне отцом Паисием и не встретивший за поздним временем никого из членов семьи, теперь, в восемь часов утра, нашел всю семью в сборе за утренним чаем.

Мальчик, не сомкнувший ни на одну минуту глаз за всю эту ночь и проворочавшийся до утра на узком, клеенчатом диване в комнате своего благодетеля, теперь едва держался от слабости на ногах. А между тем восемь пар глаз были устремлены на него с самым жадным любопытством. Он весь вспыхнул под этими настойчиво разглядывавшими его как диковинную зверюшку взглядами, весь съежился и не знал, куда девать руки и ноги.

– Ну вот, садись, мальчик, выпей чаю с молоком и с ситным... Подкрепись хорошенько, а потом пойдем панихидку отслужить по твоей матери. Завтра ее хоронить будем. Надо, чтобы честь-честью все было, как у людей... Да ты садись, не смущайся, никто тебя у нас не обидит. Митинька, ты старший, возьми его под свою защиту, тебе его поручаю, – и, говоря это, отец Паисий усадил Васю, подставил ему только что налитый Лукерьей Демьяновной стакан горячего чаю и, взяв из сухарницы большой ломоть ситного, положил его перед мальчиком.

Дети, повскакивавшие было с мест при появлении гостя, снова расселись вокруг стола.

– Что же он, жить будет с нами, папаша? – осведомился басом четырнадцатилетний Митинька, давно уже считавший себя взрослым, самостоятельным человеком.

– Да. Авось в тягость не будет. Мальчик славный и почтительный. Все его знают в слободе. Дется ему некуда. Нас не объест пока что, а там – посмотрим.

– Вот нужда была такую обузу на плечи себе взваливать, – забормотала себе под нос Лукерья Демьяновна, – своих у нас ртов мало, что ли, забот да хлопот и без него найдется. Уж больно вы милостливы, братец. – И маленькие глазки старой девицы окинули Васю недружелюбным взглядом.

Отец Паисий с укором взглянул на свояченицу.

– Полноте, сестрица, – заговорил он миролюбиво, – полноте бога гневить, все мы, слава тебе, господи, сыты, одеты и обуты, а где восемь-девять душ убоготорены, там убоготорится и десятая. Не объест наших птенцов чужой птенец, пришлый. Ведь сирота он круглый: ни отца, ни матери, пожалеть его надо.

– И-и, всех-то сирот не пережалеешь, братец! – фыркнула свояченица. – Вот поглядите-ка лучше, у Любы платье-то все в заплатках, девчонки в школе смеются, а у Кири сапоги давно каши просят.

– У меня, папаша, действительно сапоги того... проголодались, – с шаловливыми искорками в бойких глазах заявил Киря.

– Ну-ну, хорошо, и платье Любаше и сапоги Кире будут... Все будет, дайте срок справиться, – как-то виновато, застенчиво произнес отец Паисий. И снова обратился к своему соседу Васе: – Ну-ну, мальчик, пей чай. Горе-то горем, а и подкрепиться следует. Силы-то молодые, хрупкие, их пожалеть надо.

– Другие-то священники, – забубнила снова своим неприятным шипящим голосом Лукерья Демьяновна, – в дом несут, а вы, братец, норовите блюсти чужой интерес больше собственного. Вон скольким помогаете: венчаєте, да хороните, да крестите даром... А что толку, уважения вам от того больше разве? А сейчас-то лишний рот в семью навязали, подумаешь тоже – доходно как! Провизия-то нынче – ни приступись, дорого как! Намедни мясо на базаре на две копейки на фунт вздорожало, а вы...

– Довольно, довольно, уши вянут слушать, что вы говорите, сестрица. Пойдем к покойнице, Василий! – решительно заявил отец Паисий мальчику, который через силу проглотил кусок ситного и запил его чаем.

Мальчик, испуганный и встревоженный только что слышанным разговором, стремительно вскочил с места и, не поднимая глаз, бросился следом за отцом Паисием к двери.

– Поблагодарить за чай не мешало бы, – прошипела ему вслед Лукерья Демьяновна, – вот деревенщина-то, простого приличия не знает, – добавила она, рассерженная вконец на Васю за то, что тот, не расслышав ее замечания, не вернулся назад.

– Не всякое лыко в строку, тетенька, – делая серьезное лицо, вступился Митинька, методически прихлебывая чай из стакана. – До того ли ему? Слышали сами, мать у него умерла...

– Это не мешает, однако, вежливым быть, – не унималась Лукерья Демьяновна, и вдруг, заметя вертевшегося у самовара Лешу, неожиданно обрушилась на него.

– Ты чего здесь толчешься? А? Обвариться хочешь? Вот постой ты у меня! – И увесистый шлепок заключил эту короткую, но внушительную тираду.

– Оби-за-а-ют! – неистово завопил Леша, раздражаясь пронзительным плачем.

– Ну, слава те, господи, давно рева не слышали, начинается! – морщась, как от боли, проронил Митинька.

– Утренний концерт – и то на безделье дело, а главное, даром, – вставил Киря.

– Хи-хи-хи! – закатилась пронзительным смехом Маня.

– Не надо обижать Лешу, – краснея до лба и волнуясь, заговорила Люба, быстро вскакивая со своего стула и направляясь к плачущему мальчику. – Покойная мамочка так жалела Лешу, так просила, умирая, не обижать его, – заключила она, взглянув с укором своими большими грустными глазами на тетку. Потом присела на корточки перед все еще безутешно плачущим малюткой и утешала его, глядя по головке своей худенькой, маленькой ручонкой.

Нюра и Шура, две белобрысенькие девочки, тоже подошли к младшему братишке и к Любе.

Лукерья Демьяновна при виде этой сцены нимало не смягчилась...

– Сейчас же перестать реветь у меня, Леша! – прикрикнула она на малютку. – А ты, Люба, не изволь глупостей говорить, никто не обижает это сокровище. Недотрога какой, подумаешь, слова не скажи, сейчас в рев...

– Хрупкая штучка, что и говорить! – вставил Киря.

– Мальчики, в гимназию. Маня и Люба, марш тоже, а то опоздаете и опять жалобы на вас пойдут. Да Софку мне позовите, она в сенях отцовскую ряску чистит... Митя, ты просил, кажется, вчера на карандаши? – деловито распорядилась Лукерья Демьяновна.

– Просил, тетенька, – пробасил Митя.

– Киря с тобой своими пока что поделится. Теперь не до покупок. Небось слышал: новый рот отец навязал семье. Каждый грош теперь дома пригодится; значит, обойдешься и без карандашей до поры до времени.

– То есть как же это так? – пожал плечами Митинька.

– А вот и так... Чужие сыты, а свои должны нуждаться во всем, такая мода, стало быть, нынче пошла, – с кривою улыбкой проговорила тетка.

– А нам учительница велела к сегодняшнему дню всем учебник новый по математике купить, – заикнулась было Маня.

– Ладно, подождешь и ты. Не принцесса какая... Сейчас ей вынь вот да подай учебник, паца тоже какая выискалась, – прикрикнула на девочку Лукерья Демьяновна.

Маня надулась.

– Я у папаши спрошу, коли вы не даете, – буркнула она, демонстративно отодвигая с шумом стул от стола и направляясь к двери.

– Семейная сцена! – делая комическую гримасу, произнес Киря.

Но Лукерья Демьяновна уже не обращала внимания на детей.

Из кухни просунулась голова пятнадцатилетней служанки Софки, чрезвычайно любопытной особы, с ухарски вздернутым носом, большой приятельницы старшей девочки Мани.

– Звали, Лукерья Демьяновна? – шевеля своим удивительным носом, поинтересовалась она.

– Вот что, Софка, ты на котлеты мяса уже нарезала? – с деловитым видом осведомилась Лукерья Демьяновна.

– А нешто котлетки нынче будут? – вопросом на вопрос отозвалась Софка.

– Ну, понятно, котлеты, сейчас приду стряпать. Булки побольше положить надо нынче. Лишний рот с сегодняшнего дня у нас появится, так чтобы хватило, слышишь, на всех.

– А што ж это, на всегдашнее время таперича мальчонка чужой у нас останется харчевать? – полюбопытствовала Софка.

– Не твое дело, ступай.

– Сами же звали.

– Тебе говорят, ступай!

– Битва русских с кабардинцами, или прекрасная Софка, догоняющая тетушку Лукерью Де... – начал было Киря и вдруг закричал неожиданно благим матом на всю квартиру: – Манька, Манька, что ты мой ранец спулила... Вот безголовая-то... Возьми глаза в руки да посмотри, что напяливаешь на спину, свое или чужое.

– А ты так не смеешь с сестрою разговаривать, я все-таки дама, – обиделась Маня.

– Тетя, велите даме мой ранец отдать, – горячился Киря.

– Ах, ты, господи! Вот содом-то! Вот наказание божеское! – всплеснув руками, воскликнула Лукерья Демьяновна, выскакивая из кухни. – Что мне делать с этими детьми? Создатель мой, как справиться с ними! И распустил же их себе на голову отец Паисий. Пошли вон, в школу, сейчас же пошли вон! – взвизгнула она не своим голосом на весь Дом.

– Боже мой, да не кричите же так, тетенька, неубедительно это, – спокойно произнес Митинька.

Тетка только рукой махнула и, сильно хлопнув дверью, прошла снова в кухню стряпать незатейливый обед. Софка последовала за нею.

В столовой теперь остались только малыши. А Митинька и Киря шагали в это время по улице с ранцами за плечами. Маня и Люба, подпрыгивая на ходу, чуть ли не бегом бежали в свое епархиальное училище, где старшая девочка училась во втором, а младшая в первом классах. И братья, и сестры сейчас говорили о живо затронувшем их новом событии, о приобретении нового члена семьи в лице Васи. Кире Вася не понравился с первого же взгляда.

– Туфля, размазня какая-то, не нашего полка! – решил безапелляционным тоном мальчик, то и дело останавливаясь по дороге, собирая снежные комья в руку и целясь ими во встречные фонарные столбы.

Митинька, считавший себя несравненно умнее всей семьи Волынских, только презрительно пожал плечами в ответ на слова брата.

– Ты глуп, – отвечал он, как отрезал, своим ломающимся баском, – когда у нас умерла мать, мы раскисли не менее...

– Да он, вообще, по-видимому, калоша, – не унимался Киря.

– Почему калоша, а не что-нибудь иное? Ну, положим, апельсин? У вас, второклассников, всегда такие примитивные сравнения, – продолжал убийственно-хладнокровным тоном Митинька, заставив покраснеть брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.